

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

МУТАНТ-3

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

МАКСИМ
MAXIMONLINE.RU
ЖУРНАЛ
РУССКИЙ ПЕРИОД

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

АНДРЕЙ БУТОРИН

МЕТРО 2033:

**ХОЗЯИН ГОРОДА
МОНСТРОВ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б93

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта — Вячеслав Бакулин

*Оформление обложки — Михаил Пантелеев
Карта — Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Буторин, Андрей Русланович.

Б93 Метро 2033: Хозяин города монстров: [фантастический роман] /
Андрей Буторин. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. (Вселенная
метро 2033)

ISBN 978-5-17-106053-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Жизнь в Великом Устюге вроде бы наладилась, насколько это вообще возможно в полуразрушенном постапокалиптическом городе. Казалось бы, живи да радуйся. Но, как оказалось, за спокойную жизнь снова нужно бороться — в соседней Лузе появился тот, кто назвал себя «хозяином города монстров». И хозяйничать он вознамерился не только у себя дома.

**УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-106053-4

© Д.А. Глуховский, 2017
© А.Р. Буторин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЧУЖОЙ?.. СВОЙ?..

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Так уж сложилась моя жизнь, что приходилось жить и работать в странах, где я всегда выделялся среди местного населения. Не просто телосложением, а буквально всем. Африка и Азия не давали мне шансов затеряться в толпе и сойти за своего. Помимо внешности, были и другие причины. Я сознавал, что всегда буду чужаком, белой вороной, «заморским дьяволом» в этих краях – как бы хорошо я не говорил на местных языках, как бы глубоко не знал историю и культуру этих мест... Так уж устроен мир. Во всяком случае, значительная его часть. Это не вызывало во мне горечи или сожаления, но причиняло душевное неудобство – тебя постоянно разглядывают, бес стеснения обсуждают и ты, скорее всего, воспринимаешься ими не совсем как человек.

Когда вернулся на родину, после долгих лет на чужбине, мне показалось, что дома, наконец, отдохну. Ведь дома все свои. Отоспавшись с дороги, решил прогуляться по городу. Вышел на улицу. Стояла чудесная осень. Раньше не любил ее, но после адского пекла южных стран стал ей наслаждаться. Дождь кончился рано утром. Проглянуло солнце. Желтая краска облетевшей листвы заляпала мокрый асфальт двора. Смуглый человек размашистыми движениями метлы собирал

ее в кучу. Пока я созерцал труд дворника, ему на подмогу явилось ещё несколько коллег, один темнее другого. Двор мигом наполнился оживлённым «вар-вар-вар!» и жестикуляцией, которая, как ни странно, не мешала им сгребать листья на носилки. Вот она — ирония судьбы. Столько лет прожить вдали от дома и обнаружить, что иные чужаки уже давно обосновались здесь. Вставил в уши наушники-затычки. Отыскивая в плеере подходящую настроению песню, вышел со двора.

Под цоевскую «Кукушку» направился к метро, отмечая по пути нашествие Азии на некогда типичный московский район. На детской площадке сидели молодые парни. Все, как один, в узких спортивных брюках и остроносых туфлях. Кто на скамейке, кто рядом на корточках. Их степные лица бронзовели от октябрьской прохлады и пива. Чуть поодаль, возле песочницы, стояла пара женщин в платках и длинных пальто. Одна из них что-то рассказывала, другая кивала и улыбалась золотым ртом. Вокруг них, подбрасывая кленовую листву, вперевалку бегали головастые дети. Плосколицые, темноглазые — неотличимые от китайчат, которых я насмотрелся за годы на чужбине.

Будущая смена, новое лицо города. Пока обособленная, она лишь присматривается раскосым оком к новым владениям. Сидит за кассами, стоит за прилавками, снуёт по дворам и стройкам. Изображает японских официантов и самураев в напиханных повсюду «Тануках» и «Япосах».

Усмехнулся — ведь в моих наушниках пел своим характерным речитативом кореец Цой... Я спустился в подземный переход. Там, в зыбком сумраке, продавал мочалки и бусы пухлый щекастый человек кофейно-молочного цвета, с чалмой на голове и воловьим взглядом. Его неотличимый на первый взгляд подельник стоял неподалеку на шухере, высматривая в толпе опасность. Из толчеи прокуренного перехода я выбрался на небольшую площадь возле метро. Возле ротонды метро, неподалёку от цветочных киосков, кружком стояли пузатые кавказцы в кожаных куртках нараспашку. К заполонившим площадь азиатам-рекламщикам добавился чёрный, как сапог,

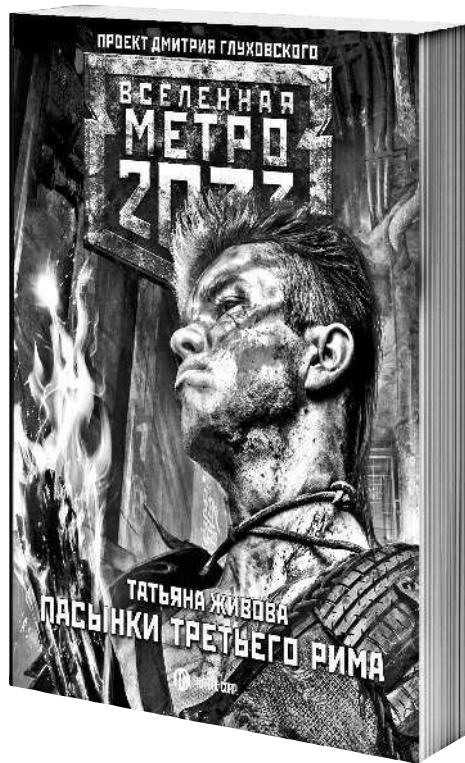
негр-студент с печальными желтоватыми глазами. С опаской взирая на прохожих, он пытался всучить им какие-то буклеты.

Новый Вавилон.

Ощутил себя иностранцем в родном городе. На мгновение стало неуютно и тоскливо. Сумею ли ужиться с новой реальностью? А куда деваться... Тем более, дома, у кровати с ребенком, ждала жена, привезенная мной из Поднебесной... Я и сам, с семьей, теперь частица этого Вавилона...

В общем, такие вот воспоминания и зарисовка из жизни получились у меня после прочтения «Хозяина города монстров». Нет-нет, совсем не потому, что я под впечатлением книги уподобил приезжих монстрам, а себя возомнил хозяином. Просто каждый из нас воспринимает текст по-своему. Кому-то ближе динамичные экшн-сцены, кому-то важно подметить перемены в героях или оценить полет авторской фантазии... Я больше всего люблю наблюдать за отношениями героев. Сердцу моему ближе оказалась затронутая автором проблема «а сможем ли мы ужиться?»

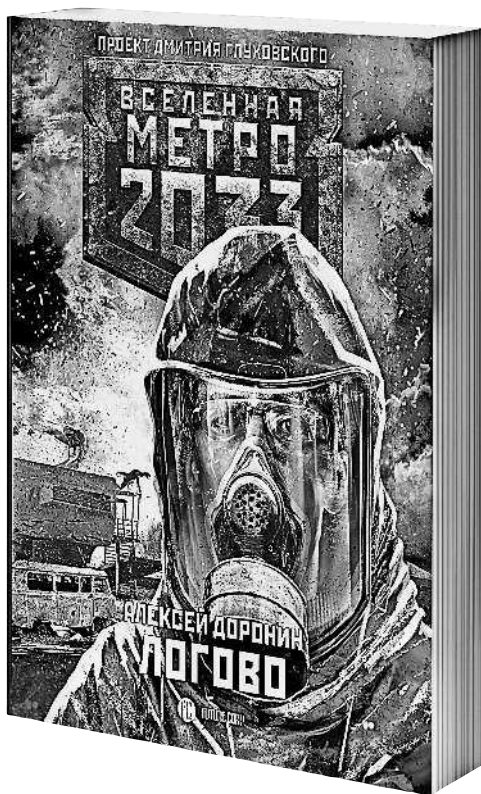
Кто эти «мы», с кем и как нам предстоит жить, что такое ксенофобия и с чем ее едят, и чем вообще все закончится – на все эти вопросы лишь предстоит найти ответ.

Когда один твой близкий человек покидает этот мир, а другой тебя и знать не желает, впору решить, что хуже, чем теперь, вряд ли будет. Однако судьба, словно желая добить, подкидывает новые испытания. Внезапный плен, рабство, арена, клетки с чудовищами... Полные брезгливости и неприязни взгляды, направленные со всех сторон... А тебе — всего пятнадцать лет, ты — затерянный в чужом и враждебном тебе Большом Метро «экзотический» раб-мутант из племени скавенов. И сейчас твоя важнейшая задача — не только самому вырваться из неволи, но и вытащить оттуда единственного среди «чистых» людей друга. Что ты предпримешь, Марк, сын Хмары из Алтуфьева? Ведь здесь ты — всего лишь раб-смертник, и времени у тебя — всё меньше, а возможностей — вообще никаких. Но... Аве, Третий Рим, обреченные на смерть приветствуют тебя!

Знать свое и чужое будущее — мечта любого. Даже того, кто считает себя главным идеологом московского метро и координатором всего, что происходит в подземном мире. И вот уже на поиски таинственного прорицателя, способного заглянуть в будущее, отправляется жестокая и безжалостная охотница за головами по прозвищу Гончая. Но наступит ли будущее для обитателей подземных убежищ, если в разных местах по всему метро уже происходят необъяснимые и пугающие явления, а из недр земли упорно прорывается нечто невиданное, подстегиваемое неукротимым голодом и влекомое запахом желанной добычи?

Отрезанный от всего мира, на севере Московской области пытается выжить маленький поселок Мирный. Он обнесен стеной и состоит из модульных домов, герметичных и защищенных от радиации. Вроде бы маленькой колонии в сто с лишним человек ничего не угрожает, кроме безнадёги и медленной деградации. Запасов должно хватить еще на десяток лет. Что делать дальше — никто не задумывается. Но внезапно люди начинают пропадать, просто уходя в никуда. Постепенно к жителям приходит понимание, что с этим местом и его окрестностями связана мрачная тайна, уходящая корнями в довоенное время. Но никто не представляет, насколько она ужасна.

*Выражаю признательность моему сыну
Денису за бета-ридерство и помощь
в предварительной редакции романа*

Куда я, зачем? Можно жить, если знать.
И можно без всякой натуги
Проснуться и встать, — если мог бы я спать,
И петь, если б не было вьюги.

В.С. Высоцкий

ПРОЛОГ

— Едут, — просипел Авдей. Он хотел сказать это хладнокровно, с пренебрежительным оттенком, но голос предательски дрогнул, губы вдруг онемели, а горло будто стиснуло железным кольцом.

Одетый в серое, в разводах засохшего пота холщовое рубище и грязные, обтрепанные до середины голеней штаны, он стоял со скрещенными на груди руками, прислонившись спиной к почерневшей от времени бревенчатой стене амбара. Рядом торчали воткнутые в землю вилы.

Возле него — кто, как и Авдей, подперев амбар, кто присев на корточки, кто просто стоя, — ждали все одиннадцать дееспособных мужиков деревни Матвеевская. Чуть в стороне стояли и две бабы — Варька по прозвищу Лешая и рябая Степанида, которую все звали Степахой — для Степаниды она была чересчур шебутной. И та, и другая, словно ружья по команде «на плечо», держали по косе-литовке.

Разумеется, все они — и мужчины, и женщины — были мутантами. Ближе к Великому Устюгу таких называли «дикими», в отличие от живущих в самом городе «цивилизованных» мутантов-морозовцев. Но здесь, возле Лузы, куда не совались каратели храмовников, такого деления не существовало —

и сельские, и городские мутанты имели одни и те же права, если не учитывать, конечно, что такого понятия, как «право», в городе Луза не имелось в принципе. Кто сильнее — тот и прав. И на данный момент самым сильным, а значит, и самым правым объявил себя некто Серп — тридцатипятилетний лузянин, подчинивший своей воле большинство городских отморожков. Насчет силы еще можно было поспорить — наверняка и в самой Лузе, и в ее окрестностях было немало народа и посильнее его, но вот по части жестокости он, пожалуй, и впрямь занимал первое место даже среди самых изошренных палачей. Излюбленным орудием пыток у него был простой крестьянский серп, из-за которого, собственно, самопровозглашенный хозяин Лузы и получил свое прозвище. Со своим «тезкой» он никогда не расставался — носил его, как правило, заткнутым за потрескавшийся от времени солдатский ремень с потускневшей бляхой, который, в свою очередь, застегивал поверх чего-нибудь обязательно камуфляжного — будь то летняя или зимняя куртка, а то и — в особо жаркие дни — всего лишь майка. Столь же обязательным в экипировке Серпа был генерал-майорский погон — всегда один, непременно на левом плече. А вот головные уборы «полугенерал» не признавал — ввиду того, скорее всего, что в отличие от большинства жителей, потерявших из-за радиации волосы, имел роскошную черную шевелюру, в которой не просматривалось ни единой серебряной ниточки.

Прибытия Серпа как раз и ждали сельчане. Ждали — как приближения неизбежного зла, оставляющего после себя боль, голод и смерть.

Перевалил за середину сентябрь. Каждый год в эту пору лузяне делали набеги на близлежащие села, куда можно было добраться по дороге, которую дальше, по направлению к Устюгу, давно уже отвоевал у людей лес.

В деревнях только что собрали скудный урожай, который ежегодно и забирал Серп. Сначала он поступал «по совести», оставляя половину, затем треть, потом четверть селянам, что-

бы те не протянули с голоду ноги. Но в прошлом году, обнаглев окончательно, хозяин Лузы отобрал у них всё. Неизвестно, понимал ли он, что поступает так во вред себе же, ведь мертвецы не смогут сеять зерно и сажать картошку, а значит, взять с них в следующий раз будет нечего. Скорее всего, не понимал. По части думанья он вообще не являлся большим умельцем, особенно когда это касалось чего-то, отдаленного по времени более, чем на неделю-другую.

Зато жители Матвеевской и расположенной неподалеку Емельяновской, видя, куда дует ветер, еще пару лет назад стали прятать часть урожая, выкопав в лесу и замаскировав подземные схроны. Правда, зерно и овощи в них частично сгнивали, но оставалось хотя бы что-то. С учетом того, что «милосердно» оставлял Серп, этого едва хватало, чтобы не умереть до лета. Или, по крайней мере, умереть не всем. Но прошлую зиму не пережили многие — из стариков и вовсе остался один на две деревни. И терпение у деревенских мутантов лопнуло. Они решили не отдавать Серпу ничего, биться до последнего за каждое зернышко. Пусть они при этом даже погибнут — какая разница, когда умирать: сейчас или месяцем-другим позже? Терять им было уже нечего.

— Едут, — словно эхо, повторил за Авдеем тощий, долговязый Семён и покрепче сжал в по-птичьему трехпалых ладонях черенок вил.

На дороге показались четыре телеги. Запряженные в каждую по одной худющие лошади трусѝли неспешно, нехотя, словно понимая, что несут с собой беду.

— К Межнице уже подъезжают, — сглотнул горбатый, с полностью покрытым коростами лицом Степан. — Хошь бы утопли в ей, ироды...

— Утопнут, ага, — буркнул Авдей. — В Межнице и кура утопнет, тока ежели держать головой книзу.

— Эх, надо было хошь што-нить прикопать в лесу, — вздохнул кто-то. — Ни с чем ить сей год останемся...

— Для кого прикопать? — насупился Авдей. — Для мышей с червяками?.. Останется он! Кто тебя оставит-то, дурень? Теперя тока одно — либо мы их, либо они нас. Не дотумкал ишшо?

— А где-ка емельчане-то? — заоглядывался молодой однорукий Лёха. — Прибздели, што ль, кинули нас одних тутока?

Будто услышав парня, из-за амбара вышло семеро мужчин — кто с косой, кто с вилами, а кто и просто с заостренным колом в руках.

— Здорово, — кивнул самый крупный из них — бородатый, хоть и лысый, как все остальные. Посмотрел на дорогу, нахмурился. — Аккурат поспели...

Жители Матвеевского приветственно закивали в ответ.

— Поспели, поспели, — сняв с плеча литовку, ворчливо откликнулась Степаха. — Шибко спешили, гляжу. Ишшо бы поваландались — поспели бы, штоб наши косточки прикопать.

— После ваших и до наших бы косточек дотянулись, нас бы ждать не стали, — ответил кто-то еще из вновь прибывших.

— Хорош заупокойную разводить, — выдернул из земли вилы Авдей. — Пущай лузяне по своим панихиду справляют. А ну, собрались все!

Двадцать деревенских мутантов — восемнадцать мужчин и две женщины — выстроились возле амбара, держа наготове нехитрое оружие: вилы, косы и колья. Сказать, что они не боялись, было бы неправдой. Напротив, большинство из них считало, что жить им осталось совсем недолго. Но и то правда — терять им уже было нечего, кроме своих жизней, а умереть быстро куда лучше, чем перед смертью несколько мучительных дней страдать от голода. Уж на подобное-то они насмотрелись.

И всё-таки надежда уцелеть, отбиться от незваных гостей и сохранить урожай теплилась в каждом из этих угрюмых, обезображенных мутацией, почерневших от лишений и тягот людей. Их уродливые лица заметно посветлели, когда четыре

подводы въехали в деревню — на каждой телеге сидело всего по двое лузян, и только на первой, включая самого Серпа, их было трое. Считать из селян почти никто не умел, но даже те из них, кто не смог бы назвать количество пальцев у себя на руке, видел, что лузян меньше. Правда, у двоих из них имелись ружья, но даже деревенские жители знали, что в Лузе в последнее время ощущался недостаток не только еды, но и многого другого, в том числе и патронов. Вполне вероятно, что патронов у прибывших бандитов было всего на один-два выстрела, а может, ружья и вовсе взяты просто для острастки. Деревенские не знали, что за пазухой Серп всегда носил пистолет, но что в нем осталось только три патрона, знал вообще лишь он один.

Да и самого-то бандитского главаря видели до этого далеко не все селяне; прежде Серп не принимал участия в подобных вылазках лично, это сейчас ему вдруг захотелось размяться, как он сказал своим подчиненным. На деле же ему попросту стало страшно: едва ли не впервые Серп понял, что есть зимой будет нечего. Разве что пойманную рыбу и добытое охотниками зверье, но заниматься каким-либо отличным от разбоя трудом бандиты отвыкли, а многих жителей из тех, что этим занимались, они поубивали — кого забавы ради, кого потому, что, на их взгляд, те «несправедливо» делились с ними добычей. Озаботиться же тем, чтобы, по крайней мере, набрать и засушить грибов, которых в местных лесах имелось в избытке, почему-то не приходило Серпу в голову вообще.

Потому и сидел он теперь на передней подводе. Когда возница остановил лошадь, не доезжая шагов десяти до сельчан, Серп спрыгнул с телеги и, увидев перед собой насупленные взгляды встречающих и недвусмысленно направленные в его сторону «орудия труда», невольно сунул руку за пазуху. И всё же он не мог до конца осознать, что кто-то осмелился пойти против него. Все прошлые годы подобные «сборы урожая» происходили без каких-либо препятствий — во всяком случае,